

Зашептал в ухо: — Ты чего такая нервная? Не ебетесь с ним что ли, а, Маринк?

Марина грустно покачала головой:

— Мама его не разрешает, — всхлипывая сказала она. — Говорит, вредно на ранних сроках. У нее у самой до Игорька три выкидыша было. Они свадьбу назначили через три месяца, квартиру для нас ремонтируют. Говорят, пока отдельно поживите. Сказала: будут меня каждый день навещать. Я в училище академ взяла...

— Тьфу ты, «мама»! — Психанул дядя Леша. — Вы ее в постель с собой, что ли кладете? Слушай всех! Чай, от организма зависит. Я свою Нинку трахал от первого до последнего дня. И Аньку родила — как выстрелила. Ты ж, Маринка, танцорка: у тебя и мускулатура, и растяжка. Чего еще придумают! Беременной бабе тоже ласка нужна. Ты спокойна — ребеночку хорошо. — Он начинал заводиться. Марина сидела на его коленях, прижимаясь к плечу стриженной головой. Она перестала всхлипывать и успокоилась. Ее попа под сарафаном приятным теплом давила на не успевший толком успокоиться член. Дядя Леша полез рукой под длинный подол, сдвигая его наверх. Другой дрожащей рукой, обняв ею Марину, сгреб в ладонь упругое полушарие увеличившейся груди.

— Как-то ты раздалась, Маринка, — шептал он ей на ухо, лаская ее шейку своим взволнованным дыханием, — гормоны, говоришь, прут...

Марина закрыла глаза и тихо застонала.

— Дядя Леша, может, не надо...

— Как это не надо! Как это не надо! — Страстно и сердито шипел на ухо дядя Леша, пропуская пальцы в разбухшую, мокрую пизду, шебуршась и балуясь. Он крепко, взасос поцеловал ее в губы, мацая сосочки. Марина изогнулась, вся подаваясь навстречу. — Сейчас трахнем тебя в лучшем виде, — шептал дядя Леша, — аккуратноенько и сладенько. — Он задыхался от возбуждения. — Сто лет не трахал беременных. Точнее, двадцать пять, как Анька родилась. У тебя ж там сейчас ммм... — он зажмурился. — Гладко и сладко!

Он стащил с нее через голову сарафан и какие-то заношенные трусы. Поставил перед собой, сжав коленками, любуясь. Животик округлился и аккуратно выпирал вперед. сидела на нем. А-а! Не кончила. Да, неудобно перед дамой получилось.

— Марин, ты прости меня! — Сказал дядя Леша. Я всю неделю болел, не до того было. А тут ты меня, прям, в плен взяла, растащила в сопли.

Он обнял ее, погладил по спине, нежно поцеловал в губы.

— Ну, что мы тут, как в курятнике, на табуретке под форточкой. Холодно же. Простудишься еще. Пошли к тебе в комнату под одеяло. Полежим, согреемся, я тебя еще трахну.

Дядя Леша, забежав по дороге в ванну сполоснуться, направился к Маринке, стуча зубами, нырнул под одеяло, в сладкое, уютное тепло. Она прильнула к нему горячим пышным телом, обвила руками и ногами, прижалась упругим животом. Дядя Леша обвил ее в ответ. Так они и лежали, прижимаясь, согреваясь друг о друга. Постепенно Маринка начала возиться. Она обхватила ногами дядилешино бедро, вжимаясь в него промежностью и начала потихоньку натираться о серенькую шерстку, покрывающую его ноги. Она вибрировала всем телом, возбуждаясь и стараясь возбудить его. Из пизденки вытекали скользкие струйки спермы, мокро расплзаясь по его ноге.

— Ах ты, хулиганка! — Пробасил дядя Леша. — Не даешь мне передышки!

Член зашевелился, удивляя его. Обычно, чтоб восстановиться, ему теперь нужно было около часа. Но, видать, это с Нинкой около часа. А здесь все намного интереснее!

Маринка, глубоко дыша, стала взбираться на него.

— Ну, нет уж! — Дядя Леша ловко перевернул ее на спину. — Теперь трахать тебя буду я! Стоя на коленях, он задрал к себе на плечи ее чуть располневшие ножки, раскрыв разбухшие половые губы. Хотел было войти, но передумал и склонился прямо к разверстой мокрой пиздюшке. Так хотелось, просто, до дрожи, всосать в себя это непристойное, сладкое великолепие! И дядя Леша не отказал себе в этом удовольствии. Нагнувшись, втянул в себя подзаросшие пухлые половые губы, всовывая язык между мокрыми темными лепестками, протыкая упругую дырочку. Марина застонала, выгибаясь дугой и пихая промежность в его открытый рот. Пальцы комкали простыню, губы судорожно извивались. Дядя Леша взял быка за рога. Язык его широкой лопатой заработал в ее складках, дразня, вороша и щекоча их. Он почувствовал вкус собственной спермы на губах. Широко раздвинул ее ляжки, вылизывая интимную зону. Язык мочил и щекотал чувствительную кожицу, высыхающая влага дарила прохладу. Клитор ныл и требовал внимания. Дядя Леша сполз языком между губок, провел его кончиком дальше и ниже и, наконец, уперся в узелок ануса. Анус ожил и упруго задышал. Дядя Леша с силой впихнул кончик языка в упругую дырочку, раздражая, возбуждая и мучая ее хозяйку.

Марина громко стонала, половые губы набухли и промокли. Дяде Леше страстно захотелось тупо оттрахать ее. Но он сдержался и перешел к следующей приятной процедуре. Подтянулся к изголовью кровати, к лицу Мариночки. Хрипло попросил:

— Открой рот. Пошире. И высунь язык. Вот так.

Дядя Леша балдел от возбуждающего зрелища: настоящая беременная шлюха с раздвинутыми мокрыми ляжками, выпирающим животом, набухшими темными сосками и развратно высунутым языком.

— Уфффххх... — Дядя Леша, раздвинув ноги, опустился на колени над Маринкиной головой лицом к ее животу. Взяв в руку член, с нажимом провел большой головкой по языку от его кончика и до корня, соскальзывая и упираясь в послушно подставленное горло. Надавил. Еще надавил. Захрипела. Задергалась. Из рта слюна течет. Сгреб в ладони упругие груди, с силой сжал, выжимая густые белые капли. Повибрировал в булькающей глотке. Вышел, отпустил. Марина, хрипя, отхаркивалась. Глаза безумные, изо рта пена. А сама на член смотрит умоляюще, еще просит, сучка! Да нна! Дядя Леша принялся часто и мелко долбить разверстую глотку, шлепая яйцами по губам и по носу. Вибрирующее бульканье и хрипы доставляли массу удовольствия. Похоже, и Мариночке, трясущей головой, тоже: он посмотрел — на простыне под ней темнело мокрое пятно. Вытащил член изо рта, жестко пошлепал по мокрым губам:

— Течешь, радость моя? Сладенькая... Уже хочешь? Раком вставай!

Марина тяжеловато перевернулась и встала на колени, колыхнувшись грудью и животиком. Оперлась на локти, растекшись грудками по постели. Расставила пошире ноги. Дядя Леша приткнулся с тыла. Вывернутые наружу красные, мокрые, отечные губы словно заманивали посетителей в лоно развратных наслаждений. Животик животно отвисал, словно маня потрогать. Дядя Леша с удовольствием погладил его снизу, чувствуя в ладонях живую, теплую, приятную, возбуждающую тяжесть. Взвесил в ладонях тяжелые груди, взял Мариночку за бедра и ввел член до упора в хлюпающую его спермой промежность. Заскользил, шлепая членом в матку. Скользкое все внутри, обволакивающее, обнимающее... Яйца задрыгались в воздухе. Заколыхался кругленький животик, заплясали, елозя по

постели, налитые груди. Мариночка со стонами грызла подушку и, колыхаясь всем телом, подмахивала навстречу долбежке. «Хлюп-хлюп, чпок-чпок» — трудился дядя Леша над ее вагиной, старательно протрахивая стонущее вожделением нутро. Он не ошибся в ней с самого начала: настоящая ебливая самочка, его маленькое счастье.

— Любишь член, девочка? — Хрипло спросил он, поддавая жару.

— Ахх-хх-ххааа... — простонала Марина в подушку.

— Может, в попку тебя натянем? — Настырно хрипел дядя Леша, склоняясь над ней и прищипывая грудки.

— Ахх-хх-хааа...

Дядя Леша повернул ее к себе, откинулся на спину, выставляя мокрый, упругий член:

— Ну, тогда садись сама. Я на тебя посмотрю.

Марина, повернувшись к нему лицом, раздвинула ноги и, опираясь руками на колени, стала аккуратно пристраиваться узким входом к возбужденной головке. Дядя Леша придержал член в вертикальном положении, наслаждаясь ее искривившимся лицом в момент, когда головка с силой вдавилась в жесткие мышцы.

— Ма-ма-ма-ма-ма-ма... — затрепетала Маринка искривившимся ртом и, зажмурившись, тяжело опустилась, словно подчиняясь невидимой власти. Она крепко придавила попкой его мокрые яйца, распластав вывернутые половые губы по его шершавому волосатому лобку. На лице была написана дрожь ужасающего разврата. Дядя Леша с удовольствием оттянул ее набрякшие соски.

Марина, зверея от возбуждения, стала двигаться на нем взад-вперед, доставляя дяде Леше фантастические ощущения плотной вибрации. видно было, что ее страсть зашкаливает: она закатывала глаза и тряслась без остановки, явно подгоняя себя к разрядке. Дядя Леша решил помочь. Двумя пальцами сжал оттопыренные половые губы, бессовестно пощипывая, поглаживая и выкручивая их, выдаивая, выжимая смазку вместе с капельками своей спермы и скользко размазывая все это по клитору.

— Ты, Маринка, настоящая недотраханная сучка! — ласково сказал он, втирая ее соки в ее же плоть и легонько шлепая по дрожащим возбужденным соскам. Ну, чего ждешь! Скручивайся!

— Ай-ай-ай-айййй!!! — завопила Маринка, сгибаясь, насколько позволял пляшущий живот.

— В-в-в-в... — она закусил губу, рот искривился, ее словно било током, в животе плеснул рыбёнок. — Дя-дя-Лё-о-ша-а-а!!!

Она, оперевшись руками ему в грудь, с наслаждением оргазмировала. Слезы разрядки текли по щекам. Она растирала их по счастливому лицу и колышущейся груди. — Ухх-ухх-уххх...

Она с трудом отдышалась и тяжело сползла с него, расслабленно опрокинулась на спину, довольно оглаживая свое расслабленное тело.

— Раздвинь-ка ноги! — Потребовал дядя Леша.

Маринка послушалась, разведя широко в стороны согнутые колени.

Дядя Леша взял в кулак своего друга, нацелив его на разверстую пещеру, придерживая у основания, начал быстро подрачивать, чувствуя приближение взрыва. Разрядка была совсем близко: несколько умелых движений — и белые скользкие струи фонтанчиками вылетели на покатый Маринкин лобок, стекая в растраханную промежность. Маринка, облизывая губы, стала пальцами страстно втирать их во все еще пульсирующий клитор. Бусинки живительной влаги заблестели на отросшей шерстке вокруг половых губ, стеклянные ручейки спермы протянулись вниз по бедрам. Дядю Лешу сладко плющило, он сжимал в руке

подергивающийся член, сжав зубы и трудно выдыхая.

— РРррраххх... — он упал на постель рядом с Маринкой, согнувшись и провалившись в переживание собственных ощущений.

Маринка подтянулась к нему, прижалась обкончанным животом и нежно поцеловала в губы.

— Ладно, ладно, все для тебя! — с трудом ответил он сквозь марево и мурашки, ласково похлопав ее по попке.

— Дядя Леша, мне так хорошо! — Маринка, красиво раскинувшись на спине, цвела довольством и счастьем.

Дядя Леша слегонца пришел в себя. В голове зрели то ли мысли, то ли планы, то ли животные желания.

— Мы с тобой еще поебемся! — уверенно сказал он. — А то, что еще за хуйня: бросили отличную девку в таком состоянии! Не бойся, Маринка, я тебя не оставлю! И сигареты свои мне отдай. Я курить пошел.